

ОТДЕЛ I. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

БИБЛЕИСТИКА

ИЕРЕЙ АНДРЕЙ ВЫДРИН

ПОЕДИНОК ДАВИДА И ГОЛИАФА

Историко-богословский анализ
17 главы Первой Книги Царств
Часть II¹

УДК 22.01

DOI: 10.31802/2500-1450-2018-30-3-15-47

Аннотация

Во второй части предлагаемого исследования анализируется описание вооружения Голиафа. Автор приходит к заключению, что последний был филистимским воином-колесничим, вооружение которого в большей степени соответствует историческому контексту XI—X вв. до Р. Х., чем более позднему времени. Тем не менее библейский портрет Голиафа — это не точное изображение воина одного временного периода, а смесь разнородных элементов как в географическом, так и в хронологическом отношении. По мнению автора, библейский писатель посредством рассказа выразил богословие Древнего Израиля о победе как даре Господа. Он полемизировал с отраженным у Гомера общеязыческим представлением о первостепенном значении физической силы героя и мощи его оружия, для чего намеренно использовал чуждые библейскому стилю мотивы древнегреческого эпоса. Библейский писатель заключил в своем тексте богословское послание, которое было особенно актуальным в наиболее кризисные моменты истории израильского народа: даже если враги

¹ Начало статьи см.: Выдрин А., свящ. 2018.

кажутся непобедимыми, необходимо следовать примеру Давида и, храня верность Господу, полностью положиться на Его силу. Тогда это доверие принесет спасение не только иудеям, но и весь мир узнает о могуществе и власти Бога Израилева.

Ключевые слова: историчность Библии, библейское богословие, Ветхий Завет, Древний Израиль, Древняя Греция, хетты, филистимляне, египтяне, ассирийцы, Давид, Саул, Голиаф, вооружение воинов в древнем мире, Гомер, древнегреческий эпос, Илиада.

4. ЕДИНОБОРЕЦ ГОЛИАФ (1 ЦАР. 17, 1–4)

Стт. 1–3. Итак, оба войска заняли позиции на противоположных сторонах Долины Дуба². Она отождествляется с современным Вади³ эс-Сант⁴ (Долиной акаций) и проходит от Вифлеема, расположенного на Иудейском нагорье, на запад, к филистимским городам Гату и Экрону. В этих стихах содержится первая параллель с эпосом Гомера. Глава начинается описанием расположения двух армий, противостоящих одна другой с открытым пространством между ними. Но такое расположение войск является непременным условием для состязания чемпионов (*греч. πρωτομαχία*): именно в пространство между войсками вступает филистимлянин и бросает вызов израильтянам.

В ст. 4 филистимский единоборец назван חַבְבְּנַיִם [*ḥabbēnayim*], букв. «человек, находящийся в середине между двумя»⁵ (имеются в виду два войска). Этот редкий древнееврейский термин является гапакс легоменон, то есть он встречается единственный раз во всем Ветхом Завете⁶.

Итак, филистимлянин вызывает представителя израильского войска на поединок. Заметим, что на древнем Ближнем Востоке совсем не засвидетельствованы случаи, когда поединок становился средством для решения исхода войны между двумя армиями. По замечанию отца

² Alter 1999. P. 101.

³ Высохшее русло водного потока.

⁴ См. карту в: Curtis 2009. P. 85.

⁵ Brown, Driver, Briggs 1907. P. 108.

⁶ Bergen 1996. P. 188.

Ролана де Во, в месопотамских исторических текстах нет подобных примеров, хотя сам мотив используется в описаниях сражений между богами (Мардук и Тиамат; Яхве и Рахав и т. д.)⁷, а это, конечно, не может служить исторической параллелью данному библейскому эпизоду.

Пожалуй, единственным примером является древнеегипетский рассказ о странствиях Синухе. Здесь герой, сбежавший от фараона в Ханаан, также был вызван на поединок с силачом Ретену (древнеегипетское название южного Ханаана)⁸. Однако этот поединок не связан со сражением двух армий.

Важно отметить, что описание единоборства в Ветхом Завете находится только здесь, в главе 17. Но зато этот мотив свойствен древнегреческому эпосу Гомера. И действительно, важные параллели мы находим в «Илиаде». Во-первых, в центре каждого из сражений подробно описываются единоборства храбрейших воинов: Гектора с Диомедом, Менелая с Парисом, Аякса с Гектором, Патрокла с Гектором, Ахилла с Гектором. Во-вторых, иногда исход всей битвы решался поединком, как это и предполагалось в библейском рассказе. Так, например, Парис предлагает Гектору поставить его ἐν μέσσοις, то есть «посреди»⁹ (фраза означает нахождение между двумя войсками), чтобы вступить в поединок с Менелаем и тем самым прекратить войну¹⁰.

Согласно историческим данным, в греческих войсках поединки знатных воинов играют большую роль в VIII в. до Р. Х., а уже в середине следующего VII в. эта традиция исчезает¹¹. Можно предположить, что Гомер

⁷ De Vaux 1972. P. 13.

⁸ См.: Коростовцев 1978.

⁹ *Homerus. Ilias* 3:69–75 (D. V. Monro, T. W. Allen. Oxford, 1959. Т. 1. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 39).

¹⁰ См.: Gordon 1965. P. 262–263, который замечает, что «филистимское происхождение Голиафа согласуется со сходством между его титулом <...> и гомеровским «(воином) в середине»».

¹¹ Brown 1995. P. 165; Нефедкин 1997. С. 9.

в «Илиаде» представил обычай своего времени, исчезнувший менее чем через столетие. Однако более вероятно, что традиция единоборств дожила до Гомеровской эпохи со времен Ахейской Греции. Доказательством ее существования в конце бронзового века является упоминание об этом в одном из хеттских документов — «тексте о Маддуваттасе» (кон. XV — нач. XIV в. до Р. Х.)¹². Возможно, это одно из наиболее ранних письменных сведений о поединке, которым была решена участь сражения¹³. По-видимому, перед нами отражение в хеттском и греческом источниках, разделенных шестью столетиями, одного и того же фрагмента военной культуры эгейско-анатолийского региона¹⁴. И, судя по всему, обычай таких поединков-единоборств был принесен в Восточное Средиземноморье филистимлянами в XII в. до Р. Х.

В ст. 46 сообщается о росте Голиафа, который был его самой замечательной особенностью. Эта фраза — первая в ряду вводных замечаний, целью которых было подчеркнуть огромный рост и силу противника Давида и таким образом сделать акцент на чудесном характере победы юного пастуха. Согласно МТ и LXX^A (Александрийский кодекс), рост Голиафа достигал «шести локтей с пядью», тогда как версии LXX^{BL} (т. е. Ватиканский кодекс и «Лукиановская редакция»), Иосифа Флавия¹⁵ и 4QSam^a (рукопись из четвертой пещеры в Кумране) сохранили чтение «четыре локтя и пядь»¹⁶. Локоть был расстоянием от локтя человека до кончика его среднего пальца (ок. 45 см), пядь — от кончика большого пальца до кончика мизинца раскрытой руки (ок. 22 см)¹⁷. Соответственно, рост филистимлянина, по МТ, был около трех, а по LXX — около двух метров.

¹² Цымбурский 2005. С. 16–17; Гиндин, Цымбурский 1996. С. 67.

¹³ Цымбурский 2005. С. 17.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Flavius Josephus. Antiquitates Judaicae* 6, 171 (B. Niese. B., 1887. Vol. 1).

¹⁶ McCarter 1980. P. 286.

¹⁷ Ibid. P. 291.

Некоторые исследователи считают версию LXX рациональным исправлением, то есть переводчики уменьшили число до более реального¹⁸. Однако, по мнению других, едва ли писец (или переводчик) стал бы умалять подвиг Давида, поэтому скорее, наоборот, переписчик увеличил число в МТ¹⁹. Согласно третьему взгляду, трехметровый рост Голиафа вполне реален, поскольку он принадлежал к роду анакимов — древних высокорослых обитателей Ханаана²⁰.

По нашему мнению, правильным из всех приведенных мнений является второе, то есть поздние редакторы увеличили рост Голиафа, еще более превознося победу Давида²¹. Следует также принять во внимание свидетельство древних авторитетных версий, особенно это касается рукописи 4QSam^{a22}. Кроме того, необходимо учесть древние реалии. Поскольку в то время средний рост мужчины семита составлял от 150 см до 170 см, человек ростом в два метра действительно мог показаться великаном²³.

5. ВООРУЖЕНИЕ ГОЛИАФА (1 ЦАР. 17, 5–7)

а) Защитное снаряжение

Не менее впечатляющим было обмундирование филистимлянина, весившее более 50 кг²⁴. В ст. 5 сначала упоминается бронзовый шлем, у которого, по-видимому, не было наносника. Слово, использованное в Библии для обозначения шлема, — כֹּבַע [kôba^s], несемитского происхождения,

¹⁸ Stoebe 1956. P. 397–413; приводится по: McCarter 1980. P. 286.

¹⁹ McCarter 1980. P. 286.

²⁰ Уолтон, Мэтьюз, Чавалес 2003. С. 340. См. также дискуссию в: Tsumura 2007. P. 442.

²¹ Johnson 2012. P. 82.

²² Fincke 2001. P. 93.

²³ О среднем росте мужчины-семита в железном веке, согласно археологическим исследованиям, см.: Mathews 1991. P. 3.

²⁴ Hertzberg 1964. P. 148.

поскольку у него есть альтернативная форма с другой начальной согласной — קֹבָה ([qôba^ç], ст. 38)²⁵. Исследователи сравнивают *евр.* קֹבָה [kôba^ç], как и греческое $\chi\acute{\upsilon}\mu\beta\alpha\chi\omicron\varsigma$ ²⁶, с хеттским *kirahî*²⁷. Как правило, в Библии²⁸ такие шлемы (קֹבָה [kôba^ç]) принадлежат чужеземным воинам²⁹.

Подобный вид шлемов существовал и в бронзовом, и в железном веках: начиная от шлемов ханаанских колесничих воинов, изображенных на египетских памятниках, до различного рода конических и украшенных гребнем ассирийских шлемов. Так, например, на рельефах Сети I (ок. 1285 г. до Р. Х.) представлены ханаанские колесничие воины в шлемах, увенчанных султаном. Также подобные шлемы встречаются на поздних микенских вазах. Прекрасный пример ахейских бронзовых шлемов обнаружили в тиринфской гробнице XI в. до Р. Х.³⁰.

Отличие шлема Голиафа от изображенных на египетских рельефах филистимских шлемов — одно из основных возражений против датировки библейского эпизода XI столетием до Р. Х. Однако, возможно, головной убор Голиафа был необычным из-за особых требований, которые предъявлялись к показательным поединкам³¹, или просто к этому времени изменилась сама форма филистимских шлемов.

Далее говорится о бронзовой «чешуйчатой броне» Голиафа — $\text{שִׁירְיֹן מִשְׂרָפָשֵׁף}$ [širyôn qašqāššîm], буквально «броня из чешуек». שִׁירְיֹן [širyôn] — это заимствование из аккадского *siriam/siriannu*³², которое, вероятно, происходит от хурритского *šaryanni*³³. В Ветхом Завете термин обычно

²⁵ Brown 1995. P. 165.

²⁶ *Homerus. Ilias* 15: 535–538 (D. V. Monro, T. W. Allen. Oxford, 1959. Т. 2. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 218).

²⁷ Brown 1995. P. 166.

²⁸ Иез. 23, 24; 38, 5; Иер. 46, 4.

²⁹ Brown 1995. P. 166.

³⁰ D'Amato, Salimbeti 2016. P. 32.

³¹ Bergen 1996. P. 189.

³² Ignance et al. 1984. P. 313–315.

³³ Speiser 1950. P. 47–49; Koehler, Baumgartner 2001. P. 769.

используется для обозначения лат, покрывающих весь корпус тела³⁴. Слово קָשָׁשִׁים [qašqāššîm] — «чешуя»³⁵ — относится к хорошо известному египетскому и, в особенности, азиатскому виду доспехов, состоявших из маленьких металлических пластинок, наложенных одна на другую³⁶.

Из других пассажей становится вполне очевидным, что этот род снаряжения носили в элитных конных войсках, в том числе колесничных³⁷. В Третьей книге Царств³⁸ говорится о том, как израильский царь Ахав, сражавшийся на колеснице, был ранен стрелой «сквозь швы лат» (בֵּין הַרְבָּקִים הִשְׁרִין וַיִּבֶן הַרְבָּקִים [bên hadd^ebārim ûbên haširyān]). Вероятно, имеется в виду место соединения бронированных рукавов с основным корпусом доспехов³⁹. Также Саул пытался одеть Давида в свои собственные доспехи (שִׁירְיֹן [širyôn])⁴⁰.

Фрагмент 1 Цар. 17, 5 — это единственное место, где писатель намеренно связывает שִׁירְיֹן [širyôn] с чешуйками, возможно подсказывая читателям, что здесь однозначно подразумевается род чешуйчатого панциря, который носили воины-колесничие и который был сделан из бронзовых чешуек, прикрепленных к тунике из шерсти, ткани или кожи⁴¹.

На территории Сирии панцирный доспех известен с глубокой древности. Уже в надписи фараона Тутмоса III (1-я пол. XV в. до Р. Х.) перечислены трофеи, взятые египтянами у сирийцев в битве при Мегиддо: «...одна добротная бронзовая броня того врага, одна добротная бронзовая броня владетеля Мегиддо, двести <...> броней его жалкого войска»⁴².

³⁴ McCarter 1980. P. 292.

³⁵ См.: Втор. 14, 9, 10; Лев. 11, 9–12, где этим термином описывается чешуя рыб и других морских животных.

³⁶ Втор. 14, 9, 10; Лев. 11, 9–12.

³⁷ Иер. 46, 4.

³⁸ 3 Цар. 22, 34 // 2 Пар. 18, 33.

³⁹ Yadin 1963. P. 196.

⁴⁰ 1 Цар. 17, 38.

⁴¹ Yadin 1963. P. 84–85, 192–193, 196–197, 214, 216–217, 237, 240–241.

⁴² Коростовцев, Кацнельсон, Кузищин 1980. С. 69.

На боках колесницы Тутмоса IV (нач. XIV в. до Р. Х.) изображена битва египтян с сирийцами. Египтяне панцирей не имеют, а на сирийских лучниках и колесничих надеты доспехи с короткими рукавами, набранные из крупных заостренных пластин⁴³.

Самые ранние изображения таких панцирей обнаружены в росписях египетских гробниц: Кенамона, военачальника Аменхотепа II (сер. XV в. до Р. Х.), и фараона Рамсеса III (XII в. до Р. Х.)⁴⁴. Они имеют вид длинной рубашки с очень короткими рукавами и высоким стоячим воротом-ошейником⁴⁵. Замечательным примером являются части доспехов фараона Шешонка I (X в. до Р. Х.), на пластинках которого выгравирован картуш с его именем⁴⁶. Это, пожалуй, наиболее близкий ко времени Давида по хронологии образец такого рода вооружения. Судя по имеющимся данным, чешуйчатые панцири появились впервые на территории Сирии или Египта и вскоре проникли на соседние территории⁴⁷. Однако они почти не использовались в эгейско-средиземноморском регионе⁴⁸ ни в позднем бронзовом веке, ни в последующее время.

Библейский писатель, по-видимому, делает особый акцент на сходстве панциря Голиафа с рыбьей чешуей. По мнению Зорна, автор мог описывать уже не употреблявшийся в его время род брони. Если это так, заключает исследователь, то контекстом для брони Голиафа может быть эпоха IX столетия или более раннее время⁴⁹.

На самом деле, с этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку чешуйчатая броня применялась в ассирийской армии еще в VIII—VII вв. до Р. Х. Судя по рельефам, в правление Ашшур-нацир-апала II и Сал-

⁴³ Черненко 1968. С. 131.

⁴⁴ Zorn 2010. P. 6.

⁴⁵ Черненко 1968. С. 132.

⁴⁶ Petrie 1974. P. 38, XLIII, № 129—130; De Backer 2012. P. 7.

⁴⁷ Черненко 1968. С. 135.

⁴⁸ McCarter 1980. P. 292.

⁴⁹ Zorn 2010. P. 8.

манасара III (IX в. до Р. Х.) металлические чешуйчатые доспехи носили преимущественно члены колесничных команд, а также лучники. Но уже в войсках Тиглатпаласара III (745–728 гг. до Р. Х.) и Синаххериба (705–688 гг. до Р. Х.) в них одевались представители почти всех родов войск: колесничие, всадники, пехотинцы-лучники, щитоносцы-копейщики и даже пращники⁵⁰. В это же время (VIII–VII вв. до Р. Х.) чешуйчатые панцири были на вооружении в египетском войске⁵¹. Также их носили в привилегированных частях персидской армии времен Ахеменидов (VI–IV вв. до Р. Х.). Это подтверждается археологическими данными и письменными источниками⁵².

Исходя из этого, историческим контекстом рассказа может быть как XI–X, так и VIII–VII вв. до Р. Х. Теоретически филистимляне могли позаимствовать этот элемент военного снаряжения у сирийцев или хананеев в XI в. до Р. Х., хотя библейский писатель также мог изобразить Голиафа в ассирийском доспехе. Однако, кроме упоминания о «чешуйках», особое внимание в рассказе придается металлу, из которого был сделан панцирь Голиафа, — бронзе. По мнению А. Милларда⁵³, это может быть признаком ранней датировки рассказа, поскольку писатель, живший в конце железного века, скорее, упомянул бы здесь о железе. С другой стороны, в I тыс. до Р. Х. вооружение все еще продолжали изготавливать из бронзы⁵⁴.

В ст. 6 сообщается, что на ногах филистимлянина были «бронзовые поножи» (מִשְׁחָתַיִם מְחֹשֶׁתַיִם [mišhāt n'ḥōšet]). Термин מִשְׁחָתַיִם [mišhāt] — ἄπλαξ λεγόμενον, то есть встречается в Ветхом Завете только здесь, и это неудивительно, поскольку поножи не использовались на Ближнем Востоке

⁵⁰ Мочалов 2014. С. 117, 119, 123.

⁵¹ Об этом сообщает Геродот (*Herodotus. Historia* 7, 89 (N. G. Wilson. Oxford, 2015. Т. 1 (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis). Р. 624. Рус. пер.: Стратановский 1972. С. 336–337)).

⁵² Черненко 1968. С. 139.

⁵³ Millard 2009. Р. 341.

⁵⁴ Мочалов 2014. С. 117, 119, 123.

ни в бронзовом, ни в железном веке⁵⁵ и не были известны израильтянам⁵⁶. Однако они были достаточно распространены в Греции в конце бронзового века, особенно в позднеэладский IIIС период⁵⁷. Они постоянно встречаются на микенских вазах из Греции, Кипра и даже Ближнего Востока, на которых изображаются воины и охотники. По-видимому, такие поножи иногда делали из ткани или кожи, но некоторые были сделаны из бронзы, охватывая всю голень, подобно более поздним греческим поножам, и обивались изнутри кожей⁵⁸. Существование бронзовых поножей подтверждается археологическими исследованиями. Возможно, самые замечательные образцы были найдены вместе с доспехами из бронзовых пластин при раскопках гробницы в Дендре, близ Микен (нач. XIV в. до Р. Х.)⁵⁹, но известны также и другие примеры. В частности, бронзовые поножи обнаружены в погребениях ахейских воинов в Каллифее, в Ахайе (1250–1200 гг. до Р. Х.), а также в некрополе под Энкоми, на Кипре (XIII в. до Р. Х.)⁶⁰. Однако этот вид брони исчезает из изобразительного искусства Греции к концу XII в. до Р. Х.⁶¹. В так называемый субмикенский период (кон. XII–XI в. до Р. Х.) поножи, как и шлемы, полностью выходят из употребления на территории Греции из-за резкого упадка жизненного уровня населения и производительных сил страны⁶².

⁵⁵ Zorn 2010. P. 9.

⁵⁶ Johnson 2012. P. 88.

⁵⁷ Drews 1993. P. 176–177.

⁵⁸ McCarter 1980. P. 292.

⁵⁹ По замечанию Е. Черненко, «панцири типа, представленного в некрополе Дендры, являются достаточно совершенным и развитым доспехом. Тщательно продуманная целесообразная система размещения отдельных его частей, высокое мастерство исполнения позволяют видеть в этих панцирях конца XV в. до н. э. уже не первые опыты создания тяжелого защитного оружия» (Черненко 1968. С. 128).

⁶⁰ Блаватская 1966. С. 89.

⁶¹ Drews 1993. P. 177.

⁶² Андреев 2004. С. 66.

б) Оружие Голиафа

Что касается оружия Голиафа, то, согласно 1 Цар. 17, 6, он нес на плечах разновидность бронзового оружия (כִּידוֹן נְחֹשֶׁת [kîdôn n'ḥōšet]). כִּידוֹן [kîdôn] — редкое для библейского иврита слово. За исключением этого стиха и 1 Цар. 17, 45, данный термин встречается еще несколько раз в Нав. 8, 18, Иер. 6, 23 и 50, 42, Иов. 39, 23 и 41, 21. О его значении до сих пор продолжают дискуссии. Одни исследователи считают, что это был дротик⁶³, по мнению других — серповидный меч или «скимитар» (англ. scimitar), тяжелый, изогнутый, плоский меч с острым краем на внешней (выпуклой) стороне лезвия⁶⁴.

Одним из аргументов в пользу второй точки зрения может служить то, что слово כִּידוֹן [kydôn] пять раз встречается в кумранском «Свитке Войны» и всегда обозначает особый род меча⁶⁵. Кроме того, воины не подвешивали свои дротики на спину. Пехотинцы держали их в свободной руке или в одной руке со щитом, у колесничих же для этой цели к колеснице часто прикреплялся колчан⁶⁶. С другой стороны, согласно 1 Цар. 17, 45, Давид упрекает Голиафа в том, что он идет против него с חֶרֶב [ḥereb] и копьем и כִּידוֹן [kîdôn]. А в стт. 50—51 сказано, как Давид достал חֶרֶב [ḥereb] поверженного Голиафа из ножен и обезглавил его. По мнению МакКартера, в стт. 17, 50—51 общий термин חֶרֶב [ḥereb] «меч» используется для описания כִּידוֹן [kîdôn] — «скимитара», тяжелого изогнутого меча⁶⁷. Однако из 17, 45 видно, что Голиаф держит одновременно и חֶרֶב [ḥereb] и כִּידוֹן [kîdôn]. Другими словами, если כִּידוֹן [kîdôn] — это меч, то у Голиафа должно было быть два меча⁶⁸.

⁶³ King 2007. P. 353.

⁶⁴ McCarter 1980. P. 292; Williams 1998; Уолтон, Мэтьюз, Чавалес 2003. С. 340.

⁶⁵ 1QM 5:7—14 (Свиток Войны был найден в пещере № 1, на еврейском языке война — מִלְחָמָה [milḥāmāh], отсюда аббревиатура 1QM; 5 — номер столбца, а 7—14 — номера строк).

⁶⁶ Yadin 1963. P. 233.

⁶⁷ McCarter 1980. P. 294.

⁶⁸ Zorn 2010. P. 10.

На первый взгляд, это кажется невозможным, однако примеры подобной практики, когда у воина было два меча, известны из рельефов Мединет-Абу. У воинов «народов моря» один меч висит на груди, что весьма необычно, а другим они сражаются, держа его в руке. По-видимому, у Голиафа был типичный ближневосточный изогнутый меч, который филистимляне могли заимствовать у египтян или ханаанеев. Серповидный меч כִּדּוֹן [kîdôn] был прекрасным оружием для нисходящего удара с колесницы, тогда как прямым мечом חֶרֶב [hereb] удобнее было пользоваться спешившемуся воину. Сохранилось несколько изображений фараонов Сети I и Рамсеса III, едущих в колесницах с серповидным мечом в руке⁶⁹. И хотя такие мечи исчезают на Ближнем Востоке вскоре после окончания бронзового века, все же редкие изображения изогнутых мечей периодически встречаются на рельефах еще в VIII—VII вв. до Р. Х.

Согласно 1 Цар. 17, 7 и 45, у Голиафа было также копье с массивным наконечником весом в 600 шекелей, что приблизительно составляет 6, 8 кг⁷⁰. Причем писатель особо упоминает о железе (хотя, возможно, правильнее было бы говорить о стали), которое использовали с начала железного века (ок. 1250 г. до Р. Х.), но в то время оно было очень дорогим материалом. Остальное же вооружение было сделано из бронзы, употреблявшейся вплоть до римских времен⁷¹.

Библейский писатель привлекает особое внимание к копыю филистимлянина. Неудивительно, что колесничные команды «народов моря» на рельефах в Мединет-Абу сражаются с копьями в руках. Также копье служило основным оружием хеттских колесничих, как это представлено на рельефах Рамсеса II в Рамессеуме (XIII в. до Р. Х.). Об использовании колесниц в Греции Микенской эпохи продолжают споры, однако исследователи признают, что в позднеэладский IIIС период (XIII—XII вв. до Р. Х.) они из-за легкости конструкции не были пригодны

⁶⁹ Zorn 2010. P. 11.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ McCarter 1980. P. 293; Tsumura 2007. P. 444.

для атаки и, вероятно, служили в первую очередь целям транспортировки спешивавшихся воинов-пехотинцев⁷².

Причем если в предыдущий период (XV—XIV вв. до Р. Х.) основным оружием колесничих был лук, то теперь они были вооружены круглым щитом и парой копий⁷³. Это последнее использование колесниц, наиболее близкое по хронологии к периоду, описываемому в 1 Цар. 17, весьма важно для нас. По крайней мере, это может объяснить, почему у Голиафа не было лука. В любом случае, воины «народов моря», многие из которых изображены стоящими в колесницах на рельефах Рамсеса III, в основном вооружены именно копьями, хотя некоторые также и мечами.

В ст. 7 сказано, что «древко копья» Голиафа было «подобно навою ткачей» (עֵץ הַקֶּבֶץ כְּמִנְיֹן אֲרָגִים) [w^ʕēṣ ḥānîṭô kim^ʕnôḡ ʔōr^ʕgîm]. Этому сравнению дается два основных объяснения:

- 1) громадная величина этого копья сравнивается с массивным размером навою — большой катушки ткацкого станка, с которой подается основа для выработки ткани⁷⁴;
- 2) древко копья напоминало деталь ткацкого станка, на которую накручиваются нитки с кольцами на концах. Таким образом, согласно второй интерпретации, древко копья было оснащено ремнем с кольцом или петлей для метания, представляя собой распространенный в Греции и Египте вид дротика⁷⁵.

Мы принимаем первую точку зрения, поскольку гиперболическое сравнение в данном эпизоде выглядит вполне уместно. Кроме того, метательный дротик стал популярным только в более поздний период

⁷² Stager 2006. P. 169.

⁷³ Нефедкин 1997. С. 8.

⁷⁴ Hertzberg 1964. P. 149; Tsumura 2007. P. 443.

⁷⁵ Yadin 1955; McCarter 1980. P. 293.

(IX—VIII вв. до Р. Х.)⁷⁶. Если же придерживаться второго мнения, то здесь, очевидно, анахронизм.

Впечатление от огромных размеров всех воинских принадлежностей усиливается тем, что перед Голиафом шел человек, несущий его щит, — «щитоносец» (נִשְׂרָתָא נִשְׂרָתָא [nošēʿ hašinnāh]⁷⁷. Согласно общему мнению, основанному на 3 Цар. 10, 16—17, נִשְׂרָתָא [šinnāh] отличался от меньшего по размеру круглого щита — נִמְגֵן [māgēn]. Если последний обычно держали в руке, то первый был массивным стоячим щитом, закрывавшим все тело⁷⁸. Именно по этой причине щит не перечисляется выше, среди остального вооружения великана⁷⁹. Однако упоминание о щитоносце приводит многих исследователей в замешательство. Даже Финкельштейн указывает на это, как на одну из проблем отождествления образа Голиафа с греческими гоплитами VII в. до Р. Х., поскольку ни в одном источнике нет сведений о том, что у них были щитоносцы⁸⁰.

Зато общеизвестно, что щитоносцы служили в ассирийской армии в IX—VIII вв. до Р. Х., прикрывая лучников. Мог ли писатель использовать более поздний военный обычай в своем повествовании для усиления общего впечатления неуязвимости и силы филистимлянина? По-видимому, мог. Однако щитоносцы существовали не только в VIII в. Ранее, в позднебронзовый период, эта практика распространилась у хеттских воинов-колесничих. Судя по изображениям хеттских колесниц на рельефах Рамсеса II в Рамессеуме (XIII в. до Р. Х.), их экипаж состоял из трех человек: возницы, воина-копейщика и щитоносца, защищавшего всех троих⁸¹. Правда, эти щиты были среднего размера, они прикрывали лишь

⁷⁶ Snodgrass 1964. P. 136—139, 192—193, 198—199.

⁷⁷ Ср. синодальный перевод: *перед ним шел оруженосец*. Хотя в тексте букв., «несущий щит».

⁷⁸ Brown, Driver, Briggs 1907. P. 857.

⁷⁹ Alter 1999. P. 102.

⁸⁰ Finkelstein 2002. P. 146.

⁸¹ Маккуин 1983. С. 99.

торс воинов, тогда как традиционно считается, что щитоносец Голиафа нес массивный прямоугольный щит. С другой стороны, возможно, что в рассказе о Голиафе под словом מגן [šinnāh] упоминается щит воина-колесничего именно прямоугольной, а не круглой (מגן [māgēn]) формы⁸².

Если рассматривать полное изображение Голиафа, то складывается впечатление, что библейский писатель стремился представить его непобедимым богатырем, руководствуясь, очевидно, определенными, в том числе и богословскими, принципами⁸³.

В контексте всей Библии этот эпизод с детальным описанием доспехов и оружия весьма необычен, зато, как уже отмечалось выше, подобные картины вполне традиционны для поэм Гомера⁸⁴. На самом деле изображение Голиафа во всем его богатырском великолепии, особенно в версии LXX, поразительно напоминает гомеровские сцены с описанием вооружения героя. Действительно, в «Илиаде» мы часто встречаемся с этим сюжетом, и данному библейскому пассажи там есть замечательная параллель в описании Патрокла⁸⁵. Поножи, шлем, медный нагрудник, огромный щит (у Голиафа для этого — щитоносец), меч, накинутый между плечами воина, — связь между двумя описаниями, библейским и гомеровским, несомненна⁸⁶.

Таким образом, рассмотрев по отдельности каждый предмет вооружения Голиафа, как они описаны в библейском тексте, можно сделать вывод о том, что все они действительно могли принадлежать воину-колесничему конца бронзового и начала железного веков. Однако, например, чешуйчатые панцири, почти неизвестные в Греции, использовали в течение железного века на всем Ближнем Востоке, и не всегда только

⁸² Zorn 2010. P. 15.

⁸³ См. об этом ниже § 6.

⁸⁴ Alter 1999. P. 101.

⁸⁵ *Homerus. Ilias* 16:130–139 (D. V. Monro, T. W. Allen. Oxford, ³1959. Т. 2. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 227).

⁸⁶ Yadin 2004. P. 392.

в колесничных подразделениях, но иногда и в других родах войск. А вот поножи, наоборот, были исключительно греческим защитным вооружением, их носили не только в микенский период, но и в более позднее время, начиная с IX—VIII вв. до Р. Х. Кроме того, нельзя не заметить смешанный характер вооружения Голиафа как в географическом, так и в хронологическом плане. Его вооружение нельзя назвать исключительно филистимским, или эгейским⁸⁷, или каким бы то ни было еще.

Как уже было сказано, разные исследователи, основываясь на библейском описании, видят в образе Голиафа либо микенского воина поздней бронзы, либо колесничного эпохи Давида, либо гоплита времен Иосии. Каждая из этих интерпретаций имеет сильные и слабые стороны. И тем не менее, на наш взгляд, вторая точка зрения ближе к истине. Согласно археологическим данным, филистимляне были высоко цивилизованным народом, корни которого уходили в эгейскую культуру. Пик их экономического процветания, а также политического и военного могущества в Палестине пришелся именно на конец XI столетия до Р. Х. Однако в это время старые эгейские традиции постепенно уходили в прошлое, уступая место новым культурным влияниям, в основном Египта и Финикии⁸⁸. Этот процесс мог сопровождаться заимствованием некоторых элементов вооружения как от египтян, так и от сирийцев или ханаанеев.

6. БОГОСЛОВИЕ РАССКАЗА О ДАВИДЕ И ГОЛИАФЕ

Из предыдущего анализа нам кажется очевидным, что первоначальным историческим контекстом повествования о поединке между Давидом и Голиафом является эпоха ранней монархии⁸⁹. Для этого вывода, по крайней мере, больше положительных аргументов, чем для других мнений. Однако, на наш взгляд, не совсем правомерно утверждать, как это

⁸⁷ McCarter 1980. P. 292.

⁸⁸ Dothan, Dothan 1992. P. 250.

⁸⁹ Это утверждение относится лишь к самому событию поединка, а не ко времени написания истории о нем.

делают археологи, что в библейском портрете Голиафа изображен воин какого-то определенного временного периода. Хочется подчеркнуть, что все вышеизложенные объяснения особенностей вооружения филистимского богатыря, носят гипотетический характер, поскольку для конца XI в. до Р. Х. нет никаких источников, которые документировали бы внешний вид живших в Ханаане филистимских воинов, поэтому не следует исключать, что библейский писатель мог намеренно дополнить образ героя предметами, принадлежавшими различным историко-географическим регионам и хронологическим эпохам.

Нельзя не заметить, что так же, как и в других местах Ветхого Завета, для автора, который использовал древние и подчас далекие от него по времени предания, важно было не столько красочно изобразить событие, сколько показать его символическое значение, а также выразить свое богословское сообщение. Ведь только в этом эпизоде, несомненно одном из важнейших во всей Библии, персонаж облачен в доспехи, которые вместе с оружием перечисляются чрезвычайно подробно, и именно этот пассаж имеет удивительно близкие параллели с греческим эпосом, представляя собой передний план повествования, нетрадиционный для библейского стиля, обычно «нагруженного задним планом»⁹⁰.

Читая рассказ, трудно не заметить особого акцента, сделанного автором на различии между главными персонажами. Образ Давида поразительно контрастирует с образом Саула в храбрости и с образом Голиафа в вооружении. При внимательном чтении 1 Цар. 17 становится понятным намеренное сравнение, проводимое писателем между Голиафом и Саулом. Во-первых, упоминание о чрезвычайно высоком росте Голиафа⁹¹, несомненно, вызывает в памяти сообщение о необычайном росте Саула, который был выше всех израильтян⁹². Возможно, царь Саул казался почти

⁹⁰ Ауэрбах 1976. С. 35. См. подробнее об этом § 1 в первой части статьи: Выдрин А., свящ. 2018.

⁹¹ См. об этом выше § 4, комментарий на ст. 46.

⁹² 1 Цар. 9, 2.

таким же, как Голиаф, и он, как никто другой, подходил на роль единоборца и должен был принять вызов Голиафа. Но в этом его превзошел Давид.

Во-вторых, описание доспехов филистимлянина удивительным образом совпадает с отрывком в 1 Цар. 17, 38–39, где Саул облачает Давида в свои доспехи, и даже последовательность перечисления одинаковая — сверху вниз: шлем, панцирь и т. д. (стт. 5–7 // 38–39). Таким образом, и Саул и Голиаф не только выделяются ростом, но они к тому же прекрасно экипированы. Голиаф, помимо доспехов, защищен щитом, который перед ним держит щитоносец. У Давида же нет ничего подобного: надел царскую одежду и доспехи, он тут же отказался от них. Всё указывает на то, что Давид полностью полагается на Господа, а не на воинское вооружение⁹³. Именно этого нельзя сказать о Сауле, который, во-первых, не смог проявить себя как храбрый вождь, а во-вторых, полностью полагался на военный опыт и надежное вооружение, о чем свидетельствую его действия, а также слова: «...не можешь ты идти против этого филистимлянина и сразиться с ним, ведь ты еще мальчик, а он воин от юности своей (т. е. опытный воин)» (ст. 33). Очевидно, его отношение к битве было таким же, как у Голиафа. Конечно, писатель не пытается отрицать, что опыт и вооружение имеют важное значение в сражениях, но он хочет подчеркнуть, что в такой необычной ситуации победу Давиду мог даровать только Бог⁹⁴.

В гомеровском эпосе для данного пассажа, в котором Саул дает Давиду свои доспехи, а Давид отказывается от них (а для Гомера это означало неминуемую гибель воина), имеется явная параллель. Эта сцена, с одной стороны, напоминает аналогичный обмен вооружением между Патроклом и Ахиллом (Ахиллесом), а с другой стороны, противопоставляется ему. Ахилл находится в своей палатке, отказываясь участвовать в битве. Патрокл, его возничий, входит в палатку и проклиная упрямство Ахилла, из-за которого погибло множество героев-ахейцев. Видя, что Ахилл не собирается вступать в сражение, Патрокл просит доспехи и оружие

⁹³ McCarter 1980. P. 293–294; Tsumura 2007. P. 459.

⁹⁴ НБК 2000. С. 422.

своего командира и друга⁹⁵. Ахилл соглашается и торопит Патрокла: «Друг, вооружайся быстрее, а я соберу ополченья»⁹⁶. Патрокл надел броню и бросился в бой, но после первоначального успеха он был убит.

Между этими двумя пассажами поразительно как сходство, так и различие. Человек, который должен был встретить врага лицом к лицу, — Саул / Ахилл — вместо этого находится в своей палатке, вдали от боя. Слуга же — оруженосец / возничий — входит в палатку и после разговора с господином надевает его доспехи. Но в этом месте истории расходятся: Патрокл надевает доспехи своего господина, надеясь обмануть воинов, которые должны были подумать, что Ахилл вступил в сражение; Давид же отказывается от доспехов Саула, отдавая предпочтение праще, упоминаемой у Гомера лишь дважды⁹⁷. Полная противоположность ситуации очевидна, и поведение Давида опровергает представление древнегреческого эпоса: по гомеровским критериям Давид уязвим, но он остается в живых и одерживает победу, тогда как доспехи Патрокла не уберегли их обладателя от смерти⁹⁸.

В нашем же рассказе Саул, обладавший огромным ростом и надеявшийся на свои доспехи, оказался посрамленным через Давида. То же самое произошло с Голиафом, человеком громадного роста с полным комплектом

⁹⁵ *Homerus. Ilias* 16:40–45 (D. V. Monro, T. W. Allen. Oxford, 31959. Т. 2. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 225).

⁹⁶ *Homerus. Ilias* 16:129 (D. V. Monro, T. W. Allen. Oxford, 31959. Т. 2. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 227).

⁹⁷ *Homerus. Ilias* 13:600,716 (D. V. Monro, T. W. Allen. Oxford, 31959. Т. 2. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 189, 191). У Гомера упоминаются локры, не имевшие ни мечей, ни копий, ни щитов, надевавшиеся лишь на свои луки и «скрученную волну», по-видимому, пращу (*Homerus. Ilias* 13:716 (D. V. Monro, T. W. Allen. Oxford, 31959. Т. 2. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 191). Однако, греческое слово, непосредственно обозначающее пращу, во всей поэме встречается лишь однажды. И даже в этом случае праща упоминается не как оружие, а как импровизированный бинт: один из троянских воинов перевязал раненую руку другого «искусственно свитою волной, мягкой повязкой, клеветом всегда при владыке носимой» (Korfmann 1973. P. 35).

⁹⁸ Yadin 2004. P. 391.

вооружения, в то время как у Давида имелись только посох, праща и пять камней (ст. 40). Тем не менее юный пастух одним броском камня побеждает опытного воина-великана. Ничто не смогло уберечь Голиафа от поражения. Причина же победы Давида выражена писателем в словах самого героя: «Ты идешь против меня с мечом и копьем и скимитаром, а я иду против тебя с именем Господа Воинств, Бога войск Израильских, которые ты поносил; ныне предаст тебя Господь в руку мою, и я убью тебя, и сниму с тебя голову твою, и отдам трупы войска Филистимского зверям земным, и узнает вся земля, что есть Бог в Израиле; и узнает все это собрание, что не мечом и копьем спасает Господь, ибо это война Господа, и Он предаст вас в руки наши» (ст. 45–47).

Согласно библейскому тексту, Давид смог поразить Голиафа благодаря тому, что всю свою надежду возложил на Господа. Таким образом, основное богословское сообщение истории заключается в следующем: необходимо полностью доверится Господу, даже если твои враги кажутся непобедимыми⁹⁹. Однако в этой истории есть еще один весьма важный символический аспект, также указывающий на центральную богословскую идею рассказа, а именно: слабый и беззащитный Давид, у которого нет даже самого обычного воинского вооружения является замечательной персонификацией маленького иудейского народа. Ему противостоит исполинский враг, тяжеловооруженный и явно непобедимый, какими часто казались враги Иудеи на протяжении столетий. У Давида не было реальной надежды на силу оружия, и несмотря на свое мужество и смекалку¹⁰⁰, он, в конечном счете, должен положиться на единственно возможную силу, которая в моменты опасности поддерживала иудеев,

⁹⁹ Ср. толкования свт. Максима Туринского и свт. Иоанна Златоуста, которые указывают на безоружность Давида, «силою одной лишь веры» поразившего тяжеловооруженного Голиафа (БКОЦ 2009. С. 327–328).

¹⁰⁰ На самом деле Давид был не совсем беззащитным. Все-таки его оружие в данной ситуации было вполне подходящим, и он смог им прекрасно воспользоваться. Давид применил свое искусство в нужный момент, соединив это с твердой надеждой на помощь Божию.

остававшихся верными своему Богу. «Ты идешь против меня с мечом, — кричит он филистимлянину, — а я иду против тебя с именем Господа Воинств, Бога войск израильских!» (ст. 45).

В словах Давида усиливается контраст между оружием: у Голиафа — это обычные средства для ведения военных действий, а у Давида — имя его Бога, то есть особая сила Господа, которую Он являл некогда Израилю. Не следует забывать, что в период господства филистимлян, в XI столетии до Р. Х., многие израильтяне могли сомневаться в реальности силы Господа¹⁰¹. Это же происходило и во времена последующих кризисных моментов истории, поэтому весьма замечательно, что, согласно ст. 46, победа Давида в сражении приведет к неожиданным последствиям: «Вся земля (т. е. весь мир) узнает, что есть Бог в Израиле!»¹⁰². Это утверждение несет чрезвычайно важную богословскую нагрузку¹⁰³: цель победы Давида — не только спасти Израиль и разгромить филистимлян; настоящей и конечной целью является прославление Господа в глазах всего мира. Здесь автор снова делает акцент на том, что «не мечом и копьем спасает Господь»¹⁰⁴, но своими собственными неведомыми путями¹⁰⁵.

Вполне очевиден богословский вывод из слов Давида: победу дарует Господь, поэтому Он может дать ее слабому (Израилю), чтобы могущество Божие стало известно всему миру. Эта богословская тема проходит по всей Библии. Противостояние между народами в библейских историях приобретало совершенно иной смысл: уже не люди, но Сам Бог вступает в сражение против язычников и их богов. Именно поэтому писатель Первой книги Царств проводит параллель между историей о поединке Давида с Голиафом и повествованием о Ковчеге Завета в 1 Цар. 4–5. В последнем описывается поражение филистимского бога Дагона, упавшего ниц

¹⁰¹ Gordon 1986. P. 158.

¹⁰² 1 Цар. 17, 46.

¹⁰³ McCarter 1980. P. 297; Tsumura 2007. P. 463.

¹⁰⁴ 1 Цар. 17, 47.

¹⁰⁵ Brueggemann 1990. P. 132.

перед Ковчегом Завета¹⁰⁶. Причем в обоих рассказах — о Голиафе и о Дагоне — используется еврейская идиома: «Упал на лицо свое на землю»¹⁰⁷ (נָפַל עַל-פְּנֵיָו וְעַל-אָרְצוֹ [nāpal 'l-rānāyw 'aršāh]). Согласно наиболее возможной интерпретации, это падение было актом поклонения с признанием превосходства Господа¹⁰⁹, поскольку фраза достаточно часто используется¹¹⁰ именно в таком смысле¹¹¹. Однако эта идиома может также означать поражение в поединке. И действительно, во фрагменте 1 Цар. 5, 4 мы видим поверженного в поединке Дагона с отрубленными руками и головой, подобно Голиафу. В обоих случаях кажущийся и уже торжествующий победитель сам оказывается побежденным. Здесь Бог Израиля воюет против богов врагов Израиля и, в конечном итоге, Господь одолевает самих врагов. Для библейского писателя важно было показать, что Господь управляет не только жизнью израильтян, но даже историей врагов Израиля, филистимлян¹¹².

В этой связи особенно вспоминается история о царе Езекии¹¹³, где описывается, как в конце VIII в. до Р. Х. иудейский народ находился на грани гибели перед лицом ассирийской угрозы. Безусловно, это было время кризиса и испытания, поскольку в 722 г. до Р. Х. ассирийцы завоевали Северное Израильское царство и огромные массы израильтян были уведены в плен. От некогда славного Израиля эпохи Давида и Соломона уцелела лишь Иудея со столицей в Иерусалиме.

Но в 701 г. до Р. Х. ассирийский царь Синаххериб привел сюда свои войска для того, чтобы захватить Иерусалим и расправиться с вос-

¹⁰⁶ 1 Цар. 5, 3–4.

¹⁰⁷ 1 Цар. 17, 49.

¹⁰⁸ Незначительное различие в предлоге не меняет сути: в 1 Цар. 5, 3–4 используется предлог ל, а не לו.

¹⁰⁹ Феодорит Кирский, блж. 2003. С. 236.

¹¹⁰ Нав. 5, 14; 7, 6 [перед ковчегом]; Иез. 43, 3; 44, 4; Быт. 17, 3; Иез. 3, 23 и т. д.

¹¹¹ Miller 2008. P. 59.

¹¹² Tsumura 2007. P. 213.

¹¹³ 4 Цар. 18–20.

ставшим против него иудейским царем Езекией. Синаххериб посылал военачальников под стены города, чтобы настроить народ против царя и вынудить его сдаться. В речах, сказанных от его лица, Синаххериб хвалится своей силой, выражая уверенность в том, что Господь, Бог Израиля, не отличается от богов других народов, уже завоеванных ассирийцами, поэтому Он тоже не спасет израильтян¹¹⁴.

Весьма примечательно, что в 4 Цар. 19 четыре раза (ст. 4, 16, 22 и 23) сообщается, что Синаххериб бесчестил (הָרַץ [hṛp]) в своих словах Бога Израилева. Несомненно, это является параллелью к 1 Цар. 17, где Голиаф бросает вызов и бесчестит (הָרַץ [hṛp]) израильтян, о чем сообщается пять раз, но своей кульминации тема вызова и оскорбления достигает в последней и главной речи Давида — в ст. 45. Если в предыдущих стихах Голиаф бесчестил «израильскую армию» (ст. 10), «Израиль» (ст. 25), «воинство Живого Бога» (ст. 26, 36), то в ст. 45 оскорбленным оказывается уже Сам Господь: «Которого (הַאֱלֹהִים [ʔāšer]), — заключает Давид, — ты поносил»¹¹⁵. Такое прочтение вполне уместно, хотя относительное местоимение «который» (הַאֲשֶׁר [ʔāšer]) может относиться также к войскам израильским, принявшим вызов Голиафа¹¹⁶, как это и понимается в Синодальном переводе.

Заметим, что в 1 Цар. 17 и 4 Цар. 19 используется одинаковый еврейский глагол «оскорблять, бесчестить, богохульствовать» (הָרַץ [hṛp]). Едва ли это случайно, особенно учитывая то, что этот глагол в 1–2 Царств (в евр. Библии книги Самуила) используется всего семь раз: из них пять (или шесть)¹¹⁷ в отношении Голиафа в 1 Цар. 17. В 3–4 Царств

¹¹⁴ 4 Цар. 18, 29–35.

¹¹⁵ Brueggemann 1990. P. 132.

¹¹⁶ Gordon 1986. P. 158.

¹¹⁷ В 1 Цар. 21:20–21 говорится еще об одном высокорослом потомке Рефаимов из Гефа, который поносил израильтян. На наш взгляд, это может быть лишь другим преданием о том же Голиафе из Гефа, и в таком случае, это шестой случай употребления глагола הָרַץ [hṛp] в отношении Голиафа.

(в евр. Библии книги Царей) — только четыре раза, и все в отношении Синаххериба в 4 Цар. 19. В обоих случаях хвалившиеся своей силой и бросившие вызов Самому Богу враги Израиля были повержены. Господь даровал победу Давиду и Езекии, а Голиафа и Синаххериба в конечном итоге настиг меч (אֶרֶב [ḥereb])¹¹⁸. По нашему мнению, именно эта историческая эпоха явилась контекстом для написания, на основе древнего предания, истории о поединке в 1 Цар. 17. Именно в связи с этим становятся понятными ассирийские мотивы в описании Голиафа.

Однако наиболее ярким выразителем богословия победы и могущества Бога Израилева был живший в период плена пророк Иезекииль. Это и неудивительно, ведь именно тогда острее всего стоял вопрос о славе Господа среди других народов. Та же тема подчеркивается на протяжении всей истории о Давиде и Голиафе, но полное свое выражение она получила в устах главного героя (стт. 45—46), приведенных выше¹¹⁹. Несомненно, эта тема была актуальной не только во времена Саула и Давида, когда существовала угроза со стороны филистимлян, но и в последующие эпохи господства Ассирии, а затем Вавилона. В словах Синаххериба отразилась надменность ассирийцев и вавилонян, гордившихся своей силой и военными успехами в глазах всего мира.

В этой связи становится вполне понятным, почему библейский писатель, если можно так выразиться, «заимствовал» из греческого эпоса «гомеровский» прием детального описания вооружения и физических достоинств героя. Известно, что для Гомера в характеристике эпического героя первостепенное значение имели качества, свидетельствовавшие о несравненной физической силе последнего, необходимой для совершения подвига: высокий рост, мощь и стать, атлетическое телосложение¹²⁰. Весьма показательны то, что понятия «мужественный» и «физически сильный»

¹¹⁸ 1 Цар. 17, 51 и 4 Цар. 19, 37.

¹¹⁹ McCarter 1980. P. 298.

¹²⁰ *Homerus. Ilias* 3:167—170, 210 (D. В. Monro, T. W. Allen. Oxford, ³1959. Т. 1. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 41—42). Лебедева 2015. С. 258.

обозначаются у Гомера одинаково, поскольку они в сознании грека той эпохи совпадают¹²¹. Таким образом, Ахилл, который представляет собой воплощение мужества, является одновременно человеком могучего телосложения, огромной силы, один его вид, даже без оружия, нагоняет страх на врагов¹²². Важное место в представлении героя занимало его вооружение, придававшее ему особое величие, позволяя выделиться из толпы. И чем выше был статус героя, тем тщательнее Гомер описывает его снаряжение. Нередко Гомер полностью заменяет описание внешности героя перечислением его вооружения¹²³. Чувствуется своеобразное пристрастие древнегреческого поэта к описанию оружия¹²⁴. Также весьма важно отметить, что непревзойденная доблесть эпического героя подчеркивается еще тем, что он владел особенной вещью. У Ахилла¹²⁵, например, было копье, настолько длинное и тяжелое, что поднять его мог только он сам¹²⁶. Несомненно, все эти, а также другие вышеуказанные весьма близкие соответствия с рассказом о Голиафе имеют большое значение для нашего исследования.

Однако гомеровское представление о первостепенной важности физической силы и наличия совершенного вооружения в достижении победы на самом деле было традиционным не только для греков, но и для всего древнего мира и остается, пожалуй, господствующим до сих пор. По-видимому, с таким общеязыческим взглядом полемизирует библейский автор. Он использовал мотив эпоса, который был чрезвычайно популярен уже в VIII—VII вв. до Р. Х., в том числе и в Восточном Средиземноморье,

¹²¹ Гусейнов 2004. С. 18.

¹²² *Homerus. Ilias* 18: 203–234 (D. V. Monro, T. W. Allen. Oxford, ³1959. Т. 2. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 264).

¹²³ *Homerus. Ilias* 3:15–19, 10:131–135, 11:15–24, 16:130–139, 22:131–135 (D. V. Monro, T. W. Allen. Oxford, ³1959. Т. 1–2. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 38, 136, 146, 227, 313).

¹²⁴ Лебедева 2015. С. 259–260.

¹²⁵ *Homerus. Ilias* 16:140–142 (D. V. Monro, T. W. Allen. Oxford, ³1959. Т. 2. Рус. пер.: Гнедич 1990. С. 227).

¹²⁶ Лебедева 2015. С. 259–260.

где жили многочисленные военные наемники из эгейско-анатолийского региона. По-видимому, с точки зрения библейского писателя, эпос Гомера мог отражать общеязыческие представления, таящие в себе опасность для идентичности древних иудеев.

Итак, с одной стороны, Голиаф одет и вооружен как герой гомеровского эпоса, а с другой стороны, отдельные детали отражают характерные признаки древней ближневосточной традиции. В его образе воплотились лучшие достижения ближневосточной и эллинистической материальных культур. Таким образом, Голиаф является олицетворением двух самых больших опасностей — для национальной и религиозной идентичности Древнего Израиля¹²⁷, — довлевших над народом на протяжении большей части его ветхозаветной истории вплоть до возвращения из вавилонского плена. Со времен поселения в Ханаане над иудеями в политическом отношении поочередно господствовали филистимляне, ассирийцы, египтяне и вавилоняне, а в плане культурно-религиозном они испытывали постоянное влияние религии сиро-ханаанских народов, поэтому поражение Голиафа стало символом торжества победы Израиля над окружающими его многочисленными и превосходящими силами¹²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге, следует еще раз отметить основные выводы нашего исследования. Греческий обычай единоборств, в том числе тех, посредством которых решался исход всей битвы, существовал в конце бронзового века в эгейско-анатолийском регионе. В Ханаан его могли принести только филистимляне, поскольку он не был известен на Ближнем Востоке. Описание вооружения Голиафа в большей степени соответствует историческому контексту XI—X вв., а не VII—VI вв. до Р. Х. Кроме того, вопреки распространенному в исследовательской литературе представлению о Голиафе как воине-пехотинце, мы приходим к заключению, что он принадлежал

¹²⁷ Bodner 2009. P. 179.

¹²⁸ См. об этом: Alter 1999. P. 105.

к военной аристократии филистимлян и был воином-колесничим. Тем не менее библейский портрет Голиафа — это не точное изображение воина какого-либо одного временного периода, а смесь разнородных элементов как в географическом, так и в хронологическом отношении. На наш взгляд, едва ли вообще возможно точно датировать рассматриваемое повествование, основываясь лишь на описании оружия и доспехов Голиафа. Кратко развитие истории о поединке можно представить следующим образом. Память о событии, произошедшем в долине Дуба около 1000 г. до Р. Х., долгое время сохранялась в устной традиции иудейского народа. В конце VIII в. до Р. Х. во время ассирийского нашествия на Израиль и Иудею этот рассказ стал вновь актуален. В это время он обрел свою письменную форму в рамках историко-богословской композиции, составленной при дворе царя Езекии, став в некоторой степени парадигмой для последующих поколений. Особенное значение история могла иметь для иудейских пленников в VI в. до Р. Х., переживших разрушение единственного в мире Храма, посвященного Господу, Богу Израиля.

Таким образом, библейский писатель посредством текста выразил богословие Древнего Израиля о победе как даре Господа. Он полемизировал с отраженным у Гомера общеязыческим представлением о первостепенном значении физической силы героя и мощи его оружия, для чего намеренно использовал чуждые библейскому стилю мотивы древнегреческого эпоса. Он ярко противопоставляет беззащитного Давида, идущего «с именем Господа»¹²⁹, тяжеловооруженным «исполинам» Саулу и Голиафу, над которыми тот одерживает победу. Библейский писатель заключил в эти образы богословское послание, которое было особенно актуальным в наиболее кризисные моменты истории израильского народа: даже если враги кажутся непобедимыми, необходимо следовать примеру Давида и, храня верность Господу, полностью положиться на Его силу. Тогда это доверие принесет спасение не только иудеям, но и весь мир узнает о могуществе и власти Бога Израилева.

¹²⁹ 1 Цар. 17, 45.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев 2004 — Андреев Ю. В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI—VIII вв. до н. э. СПб., 2004. [*Andreev Yu. V. Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiia Gretsii XI—VIII vekov do nashei ery* (Homeric society. The main trends of socio-economic and political development of Greece in the XI—VIII centuries BC). Saint Petersburg, 2004.]
- Ауэрбах 1976 — Ауэрбах Э. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. Т. 1. [*Auerbakh E. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* (The image of reality in Western European literature). Moscow, 1976. Tom 1.]
- БКОЦ 2009 — Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I—VIII веков. Ветхий Завет. Тверь, 2009. Т. 4. [*Bibleiskie kommentarii ottsov Tserkvi i drugikh avtorov I—VIII vekov* (Biblical commentaries of the Church Fathers and other authors of the I—VIII centuries. Old Testament). Vekhii Zavet. Tver, 2009. Tom 4.]
- Блаватская 1966 — Блаватская Т. В. Ахейская Греция во II тысячелетии до н. э. М., 1966. [*Blavatskaia T. V. Akheiskaia Gretsiiia vo II tysiacheletii do nashei ery* (Achaean Greece in the II millennium BC). Moscow, 1966.]
- Выдрин А., свящ. — Выдрин А., свящ. Поединок Давида и Голиафа: Историко-богословский анализ 17 главы Первой Книги Царств. Ч. 1 // БВ. 2018. № 28. Вып. 1. С. 17–42. [*Vydrin A., priest. Poedinok Davida i Goliafa: Istoriko-bogoslovskii analiz 17 glavy Pervoi Knigi Tsarstv. Chast' 1* (The fight between David and Goliath: A historical and theological analysis of 1 Samuel, chapter 17. Part 1) // *Bogoslovskii Vestnik* (Theological Herald). 2018. № 28. Vypusk 1. P. 17–42.]
- Гиндин, Цымбургский 1996 — Гиндин Л. А., Цымбургский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. [*Gindin L. A., Tsyburgskiy V. L. Gomer i istoriia Vostochnogo Sredizemnomor'ia* (Homer and the history of the Eastern Mediterranean). Moscow, 1996.]
- Гнедич 1990 — Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. И. Гнедича. Л., 1990 (Литературные памятники 359). [*Homer. Iliada* (Iliad) / *Perevod s drevnegrecheskogo N. I. Gnedicha*. Leningrad, 1990 (Literaturnye pamiatniki 359).]
- Гусейнов 2004 — Гусейнов А. А. Античная этика. М., 2004. [*Guseinov A. A. Antichnaia etika* (Ancient ethics). Moscow, 2004.]

- Коростовцев 1978 — Рассказ Синухе // Повесть о Петеисе III. Древнеегипетская проза / Пер. с древнегип., вступ. ст. и комм. М. К. Коростовцева. М., 1978. С. 91–110. [Rasskaz Sinukhe (The tale of Sinuhe) // Povest' o Peteise III. Drevneegipetskaia proza (The story of Peteise III. Ancient Egyptian prose) / Perevod s drevnegipetskogo, vstupitel'nia statia i kommentarii M. K. Korostovtseva. Moscow, 1978. P. 91–110.]
- Коростовцев, Кацнельсон, Кузищин 1980 — Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие в 2-х частях / Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. М., 1980. Ч. 1. [Khrestomatiia po istorii Drevnego Vostoka: Uchebnoe posobie v 2-kh chastiakh (Chrestomathy on the history of the Ancient East: Textbook in 2 parts) / Pod redaktsiei M. A. Korostovtseva, I. S. Katsnel'sona, V. I. Kuzishchina. Moscow, 1980. Chast' 1.]
- Лебедева 2015 — Лебедева Ю. И. Представления о прекрасном в картине мира древнегреческого аристократа конца IX–VIII в. до н. э. // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 257–263. [*Lebedeva Ju. I. Predstavleniia o prekrasnom v kartine mira drevnegrecheskogo aristokrata kontsa IX–VIII veka do nashei ery* (Representations of the beautiful in the worldview of an ancient Greek aristocrat of the end of IX–VIII century BC) // *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* (Yaroslavl pedagogical herald). 2015. № 6. P. 257–263.]
- Маккуин 1983 — Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. [*McQueen J. G. Khetty i ikh sovremenniki v Maloi Azii* (The Hittites and their contemporaries in Asia Minor). Moscow, 1983.]
- Мочалов 2014 — Мочалов М. Ю. Древняя Ассирия. М., 2014. [*Mochalov M. Ju. Drevniaia Assiriia* (Ancient Assyria). Moscow, 2014.]
- НБК 2000 — Новый Библейский комментарий в 3 ч. Ч. 1. Ветхий Завет. Книга Бытие — Книга Иова. СПб., 2000 (Энциклопедия христианства). [Novyi Bibleiskii kommentarii v 3 chastiakh. Chast' 1. Vetkhii Zavet. Kniga Bytie — Kniga Iova (New Bible commentary in 3 parts. Part 1. The Old Testament. From Genesis to the Book of Job.). Saint Petersburg, 2000 (Entsiklopediia khristianstva).]
- Нефедкин 1997 — Нефедкин А. К. Боевые колесницы в древней Греции (XVI–I вв. до н. э.). СПб., 1997 (Автореферат дис. канд. ист. наук). [*Nefedkin A. K. Voevye kolesnitsy v drevnei Gretsii* (XVI–I veka do nashei ery) (War chariots in ancient Greece

- (XVI—I cent. BC)). Saint Petersburg, 1997 (Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk).]
- Стратановский 1972 — *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. с древнегреч. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972. [*Herodotus. Istoriia v devyati knigakh* (History in twelve books) / Perevod s drevnegrecheskogo i primechaniia G. A. Stratanovskogo. Leningrad, 1972.]
- Уолтон, Мэтьюз, Чавалес 2003 — *Уолтон Дж. Х., Мэтьюз В. Х., Чавалес М. У.* Библейский культурно—исторический комментарий. Ч. 1. Ветхий Завет. СПб., 2003. [*Walton J. H., Mathews V. H., Chavalas M. W.* Bibleiskii kul'turno—istoricheskkii kommentarii. Chast' 1. Vetkhii Zavet. Saint Petersburg, 2003.]
- Феодорит Кирский, блж. 2003 — *Феодорит Кирский, блж.* Изъяснение трудных мест Божественного Писания. М., 2003. [*Feodorit Kirskii, blazhennyi.* Iz'iasnenie trudnykh mest Bozhestvennogo Pisaniia (An explanation of the difficult places of the Divine Scripture). Moscow, 2003.]
- Цымбурский 2005 — *Цымбурский В. Л.* Hetho-Номерика (Наречение Одиссея и наречение злого брата в хеттской Сказке об Аппу и его сыновьях) // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 14—26. [*Tsybursky V. L.* Hetho-Нomerica (Narechenie Odisseia i narechenie zlogo brata v khettskoi Skazke ob Appu i ego synov'iakh) (Hetho-Нomerica (The naming of Odysseus and the naming of the evil brother in the Hittite Tale of Appa and his sons)) // Vestnik drevnei istorii (Herald of ancient history). 2005. № 2. P. 14—26.]
- Черненко 1968 — Черненко Е. В. Скифский доспех. К., 1968. [*Chernenko E. V.* Skifskii dospekh (Scythian armour). Kiev, 1968.]
- Alter 1999 — *Alter R.* The David Story: a translation with commentary of 1 and 2 Samuel. New York, 1999.
- Bergen 1996 — *Bergen R.* 1, 2 Samuel. New American commentary. Nashville, 1996.
- Bodner 2009 — *Bodner K.* 1 Samuel: a narrative commentary. Sheffield, 2009.
- Brown 1995 — Brown J. P. Israel and Hellas. B., 1995.
- Brown, Driver, Briggs 1907 — *Brown F., Driver S. R., Briggs Ch. A.* A Hebrew and English lexicon of the Old Testament. Boston — New York, 1907.
- Brueggemann 1990 — *Brueggemann W.* First and Second Samuel. Interpretation: a Bible commentary for teaching and preaching. Louisville, 1990.

- Curtis 2009 — Oxford Bible atlas / Ed. A. Curtis. Oxford, 2009.
- D'Amato, Salimbeti 2016 — *D'Amato R., Salimbeti A.* Early Iron Age Greek warrior 1100–700 BC. Oxford, 2016.
- De Backer 2012 — *De Backer F.* Scale-Armour in the Mediterranean Area during the Early Iron age: A) from the IXth to the IIIrd century B. C. // *Revue des études militaires anciennes.* 2012. Vol. 5. P. 1–40.
- De Vaux 1972 — *Vaux de R.* The Bible and the Ancient Near East. L., 1972.
- Dothan, Dothan 1992 — *Dothan T., Dothan M.* People of the sea: the search for the Philistines. New York, 1992.
- Drews 1993 — *Drews R.* The end of the Bronze age: changes in warfare and the catastrophe ca. 1200 B. C. Princeton, 1993.
- Fincke 2001 — *Fincke A.* The Samuel Scroll from Qumran: 4QSam(a) restored and compared to the Septuagint and 4QSam(c). Leiden, 2001.
- Finkelstein 2002 — *Finkelstein I.* The Philistines in the Bible: a late-monarchic perspective // *JSOT.* 2002. Vol. 27 (2). P. 131–167.
- Gordon 1965 — *Gordon C. H.* The common background of Greek and Hebrew civilizations. New York, 1965.
- Gordon 1986 — *Gordon R.* P. 1 and 2 Samuel: a commentary. Grand Rapids (Michigan), 1986.
- Hertzberg 1964 — *Hertzberg H. W.* 1 and 2 Samuel: a commentary. Philadelphia, 1964.
- Ignance et al. 1984 — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD) / Ed. I. G. Ignance et al. Chicago. 1984. Vol. 15.
- Johnson 2012 — *Johnson B. J. M.* A reading of the David and Goliath narrative in Greek and Hebrew. Durham, 2012 (Diss.).
- King 2007 — *King P. J.* David Defeats Goliath // “U_p to the Gates of Ekron”: essays on the archaeology and history of the Eastern Mediterranean in honor of Seymour Gitin / Ed. S. W. Crawford, A. Ben-Tor, J. P. Dessel, W. G. Dever, A. Mazar, J. Aviram. Jerusalem, 2007. P. 350–357.
- Koehler, Baumgartner 2001 — *Koehler L., Baumgartner W.* The Hebrew and Aramaic lexicon of the Old Testament 2 v. Leiden, 2001.
- Korfmann 1973 — *Korfmann M.* The sling as a weapon // *Scientific American.* 1973. Vol. 229.4. P. 34–42.

- Matthews 1991 — Matthews V. H. Manners and customs in the Bible. Peabody (MA), 1991.
- McCarter 1980 — *McCarter P. K.* I Samuel. Garden City (NY), 1980.
- Millard 2009 — *Millard A.* The armor of Goliath // Exploring the longue durée: essays in honor of Lawrence E. Stager / Ed. J. D. Schloen. Winona Lake (Indiana), 2009. P. 337–343.
- Miller 2008 — *Miller P. D.* The hand of the Lord: a reassessment of the “Ark narrative” of 1 Samuel. Atlanta, 2008.
- Petrie 1974 — *Petrie W. M. F.* Tools and weapons illustrated by the Egyptian collection in University College. L. — Warminster, 1974.
- Snodgrass 1964 — *Snodgrass A. M.* Early Greek armour and weapons from the end of the Bronze age to 600 B. C. Edinburgh, 1964.
- Speiser 1950 — *Speiser E. A.* On some articles of armour and their names // Journal of the American Oriental Society. Vol. 70. 1950. P. 47–49.
- Stager 2006 — *Stager L. E.* Chariot fittings from Philistine Ashkelon // Confronting the past: archaeological and historical essays on Ancient Israel in honor of William G. Dever. Winona Lake (Indiana), 2006. P. 169–176.
- Stoebe 1956 — *Stoebe H. J.* Die Goliathperikope 1 Sam. 17, 1 — 18, 5 und die Textform der Septuaginta // Vetus Testamentum. 1956. Vol. 6. P. 397–413.
- Tsumura 2007 — *Tsumura D. T.* The First Book of Samuel. Grand Rapids (MI), 2007.
- Williams 1998 — *Williams P. J.* כִּי־דָן // Semantics of Ancient Hebrew database (SAHD). 1998. URL: <http://www.sahd.divinity.cam.ac.uk/kidonUNI.pdf> (дата обращения 30.07.2018).
- Yadin 1955 — *Yadin Y.* Goliath's Javelin and the מנור ארגים // Palestine exploration quarterly. Vol. 86. 1955. P. 58–69.
- Yadin 1963 — *Yadin Y.* The art of warfare in Biblical Lands in light of archaeological study. New York, 1963. Vol. 2.
- Yadin 2004 — *Yadin A.* Goliath's armor and Israelite collective memory // Vetus Testamentum. 2004. Vol. 54 (3). P. 373–395.
- Zorn 2010 — *Zorn J. R.* Reconsidering Goliath: an Iron age I Philistine chariot warrior // Bulletin of the American schools of oriental research. 2010. № 360. P. 1–22.

ПОЕДИНОК ДАВИДА И ГОЛИАФА

Abstract

Vydrin Andrew, priest. The fight between David and Goliath: A historical and theological analysis of 1 Samuel, chapter 17. Part II

This second part of the present publication analyzes the description of Goliath's weapons. The author comes to the conclusion that he was a Philistine warrior-charioteer, whose armament is more in line with the historical context of the XIth—Xth centuries BC, and not later. Nevertheless, the biblical portrait of Goliath is not an accurate depiction of a warrior of one particular time period, but a mixture of heterogeneous elements both geographical and chronological. According to the A., the biblical writer expressed through the story the theology of Ancient Israel that victory is a gift of the Lord. His narrative was a juxtaposed to the common pagan idea, reflected in the Homeric epos, of the paramount importance of a hero's physical strength and the power of his weapons, which is why he deliberately used motifs of the ancient Greek epic, which otherwise alien to the biblical style. The biblical writer included a theological message in his text, which was especially relevant in the most critical moments of the Israelites' history: even if the enemies seem invincible, it is necessary to follow the example of David and, being faithful to the Lord, fully rely on His power. Then that trust will bring salvation not only to the Jews, but the whole world will learn about the power and authority of the God of Israel.

Keywords: historicity of the Bible, biblical theology, Old Testament, Ancient Israel, Ancient Greece, Hittites, Philistines, Egyptians, Assyrians, David, Saul, Goliath, armament of soldiers in the ancient world, Homer, Ancient Greek epic, Iliad.